

Пархоменко С.В., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ
Радченко Е.В., аспирантка кафедры уголовного права и криминологии Байкальский госуниверситет экономики и права

Преступность: проблемы уголовно-правового регулирования

Аннотация: В статье отмечается кризисное состояние современной российской уголовной политики, требующее в определенной мере пересмотра традиционных научных подходов к проблеме борьбы с преступностью. В этой связи поднимается вопрос о социально-правовом назначении обстоятельств, исключающих преступность деяния. На основе анализа действующего законодательства и научно-теоретических источников делается вывод об отсутствии единой и четкой позиции по исследуемому вопросу, о недооценке социальной роли и юридического значения данного правового института. Предлагается среди перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния, обратить особое внимание на вынужденность причинения охраняемым благам вреда в силу социальной необходимости данных поступков. В результате проведенного исследования указывается, что социально-правовое назначение обстоятельств, исключающих преступность деяния, заключается в том, что они выступают юридическим инструментом гарантирования социально необходимых моделей поведения личности, направленных на поддержание стабильности и правопорядка в обществе.

Ключевые слова: криминология уголовного закона; уголовно-правовая политика; борьба с преступностью; обстоятельства, исключающие преступность деяния; общественная полезность; общественная опасность; социальная необходимость.

Parhomenko S.V., Doctor of Law, Professor, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Radchenko E.V., Baikal National University of Economics and Law

Crime: problems of criminal and legal regulation

Abstract: The author of the article points out critical condition of modern Russian criminal policy that requires revision of traditional scientific approaches to crime fighting problem to a certain extent. Therefore an issue of social and legal purpose of criminal defenses is stated. Basing on legislation in power and scientific-theoretic resources' analysis the author makes a conclusion that there's no clear unified position on the issue, that this legal institution's social role and legal significance are underestimated. The author suggests paying special attention to harming protected goods due to social necessity of the act. As the result of conducted research the author points out that social and legal purpose of criminal defenses is that they act as a legalistic tool of insurance of socially necessary behaviour models that are aimed at maintaining social stability and law order.

Key words: criminal law criminology; criminal and legal policy; crime fighting; criminal defenses; social utility; social danger; social necessity.

Современный этап развития российского общества характеризуется негативными тенденциями развития и изменения криминальной ситуации. Несмотря на то что данные официальной статистики указывают на постоянное снижение количества зарегистрированных преступлений, наблюдаются опасные качественные изменения преступности, в частности повышение уровня ее латентности, профессионализма и организованности. На этом фоне отмечаются несоответствие уголовной политики российского государства складывающейся криминальной ситуации и криминологическим реалиям, определенная неадекватность государственных мер по борьбе с преступностью ее состоянию и тенденциям [1, с. 22-27; 2, с. 5-23; 16, с. 88-92].

Весьма четко данные тенденции отмечает Э.Ф. Побегайло: «Попавшему в криминальный капкан обществу все труднее из него выбраться. Неблагоприятный прогноз преступности и ее отдельных видов при сохранении нынешних условий жизни народных масс и неэффективности деятельности правоохранительных органов совершенно очевиден. Поэтому вполне правомерно говорить, что преступность ощутимо угрожает национальной безопасности и что сама Россия постепенно превращается в криминальное государство. Государство не может обеспечить действенную защиту даже такого неотъемлемого права человека и гражданина, как право на жизнь» [2, с. 15-16].

Указанные обстоятельства подтверждают кризисное состояние российской уголовной политики вплоть до признания некоторыми специалистами ее полной нежизнеспособности и фактического отсутствия целостной и единой стратегии борьбы с преступностью [5, с. 132-135; 10, с. 26-32]. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о содержании уголовной политики, требующий, с одной стороны, глубокой теоретической проработки и осмысления имеющихся концептуальных основ и, с другой стороны, новых научных идей и пересмотра традиционных подходов.

Основными направлениями реализации уголовной политики выступают: совершенствование уголовного закона; повышение эффективности деятельности правоохранительных органов; привлечение общественных организаций и населения к борьбе с преступностью; работа органов уголовной юстиции и других государственных органов, участвующих в борьбе с преступностью; социальное планирование профилактической деятельности, направленной на предупреждение преступлений [14, с. 317].

Следовательно, одним из центральных элементов, оказывающих влияние на эффективность и результативность уголовной политики, является уголовное законодательство, составляющее правовую основу борьбы с преступностью. Именно в уголовном законе решаются такие принципиальные для государства и общества проблемы, как установление оснований и принципов уголовной ответственности, определение круга преступных деяний и видов наказаний за

них и иных мер уголовно-правового характера. Вопросы преступности и наказуемости деяний находятся в центре уголовно-правовой политики. Признание того или иного деяния общественно опасным, введение государственного принуждения в отношении лиц, его совершивших, назначение мер, которые бы гарантировали реальную безопасность, носят политический характер, поскольку являются одними из основных средств поддержания, укрепления и развития существующего государственного строя.

Таким образом, важнейшим содержательным элементом уголовной политики выступает установление круга преступных деяний путем выработки критериев преступного и наказуемого (криминализация) и исключение из круга преступлений деяний с учетом этих критериев (декриминализация) [10, с. 20-26; 14, с. 270-271; 22, с. 76-77]. В последнее время недостаточно внимания уделяется проблеме привлечения общественности и отдельных граждан к борьбе с преступностью. Вместе с тем история функционирования системы профилактики преступлений показывает, что наиболее эффективным является сочетание целенаправленной деятельности государственных органов по борьбе с преступностью при поддержке населения с привлечением к указанной деятельности различных общественных формирований [10, с. 65-70].

В свете изложенного одним из малоисследованных аспектов указанных содержательных моментов уголовно-правовой политики является вопрос социально-правовой обоснованности регламентации в уголовном законе обстоятельств, исключающих преступность деяния. Известные криминологи В.Н. Кудрявцев, С.Ф. Милюков, В.В. Орехов, Э.Ф. Побегайло, О.В. Старков констатируют, что в условиях, когда государство не в состоянии обеспечить эффективную защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности и других благ законопослушного населения, оно должно предоставить возможность осуществлять такую защиту самим гражданам. Эта возможность гарантируется государством за счет включения в Уголовный кодекс институтов необходимой обороны, крайней необходимости, правомерного причинения вреда при задержании преступника и других обстоятельств, исключающих преступность деяния [10, с. 65; 16, с. 91; 20, с. 11-12].

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, является не просто юридической конструкцией, а элементом российской правовой системы, играющим определенную роль в борьбе с преступностью. Однако в большинстве исследований рассматриваемого института в целом либо отдельных его составляющих вопрос о социально- правовом назначении соответствующих норм даже не ставится. В свою очередь, без установления социально-правового назначения обстоятельств, исключающих преступность деяния, невозможно решить принципиальный вопрос - установление обоснованности и выделение критериев отнесения тех или иных деяний к числу непроступных.

Недооценка социальной обусловленности обстоятельств, исключающих преступность деяния, приводит к спорному и недостаточно обоснованному мнению, что увеличение их числа не зависит от объективных условий (экономических, политических, социальных) и определяется только качеством уголовного законодательства, его развитием по пути дифференциации и индивидуализации ответственности, более точного правового регулирования ответственности за проявление неправомерного поведения человека [8, с. 4; 11, с. 415].

Большинство ученых ограничиваются лишь констатацией факта «общественной (социальной) полезности» обстоятельств, исключающих преступность деяния [7, с. 24; 8, с. 342; 23, с. 18-21]. Некоторые специалисты предпринимают попытки более подробно раскрыть социальную роль обстоятельств, исключающих преступность деяния [24, с. 114]. Например, Х.М. Ахметшин полагает, что, действуя при указанных обстоятельствах, лицо преследует общественно полезные цели, выполняет свой моральный долг перед обществом. Законодательное закрепление обстоятельств, исключающих преступность деяния, признание действий, совершенных при этих обстоятельствах, в целом общественно полезными стимулируют участие широкой общественности и отдельных граждан в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, служит дальнейшему укреплению правопорядка, способствует воспитанию российских граждан в духе уважения к законам,

общечеловеческим нормам нравственности, предполагающим их строгое выполнение.

Данные объяснения имеют весьма расплывчатый и казуистический вид, носят эмоционально окрашенный характер, не позволяют четко и определенно выделить социальную значимость всех обстоятельств, исключая преступность деяния. Следует признать, что единая и непротиворечивая позиция по данному вопросу в доктрине уголовного права не сформирована.

Для определения социальной роли обстоятельств, исключая преступность деяния, следует обратиться к роли права в обществе в целом и уголовного права в частности. Практически общепризнано, что социальное назначение права состоит в том, чтобы через регулирование общественных отношений закрепить и поддерживать в обществе определенный порядок, отвечающий интересам большинства его членов и государства [19, с. 173-174]. Охранительно-регулятивное назначение уголовного права признается и большинством криминалистов [13, с. 10-15; 22, с. 24-26]. В этой связи следует согласиться с Н.М. Кропачевым в том, что нормы, закрепленные в ст. 37-42 УК РФ, и правоотношения, возникающие на их основе, могут быть в равной мере отнесены и к регулятивным, и к охранительным. В первом случае акцент делается на содержании субъективных прав, а во втором - на юридическом факте, порождающем правоотношение [9, с. 179]. Таким образом, социальное назначение правовой регламентации обстоятельств, исключая преступность деяния, заключается в регулировании поведения субъектов общественных отношений, направленных на достижение социально значимого результата в виде поддержания установленного законом порядка в обществе.

В одной из своих работ нами предпринята попытка конкретизировать социальное назначение правовой регламентации каждого обстоятельства, исключая преступность деяния. Законодательные правила о необходимой обороне направлены на создание правовых гарантий полноценной реализации естественного права обороны. Нормативный материал о крайней необходимости призван при коллизии правоохраняемых благ (и способов их защиты) стимулировать не безразличное отношение лица к такой ситуации, а

стремление предотвратить опасность наступления более тяжелых последствий, чем те, угроза наступлений которых уже налицо.

В свою очередь, социально-правовое назначение нормативного материала об обоснованном риске заключается в стимулировании достижения общественно полезной цели в ситуации, когда таковая не может быть достигнута не связанными с риском действиями; об исполнении приказа или распоряжения - в обеспечении должного уровня дисциплины и порядка как неотъемлемых элементов прохождения, в частности, военной службы с присущей последней спецификой задач; о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, - в обеспечении реализации идеи неотвратимости уголовной ответственности и предотвращения совершения новых преступлений лицом, уже нарушившим уголовный закон. В результате был сделан вывод о том, что в целом преступность рассматриваемых деяний исключается «в силу их социальной полезности и необходимости» [21, с. 141-146].

Вместе с тем дальнейшее исследование проблематики обстоятельств, исключающих преступность деяния, продемонстрировало, что высказанная позиция требует уточнения и некоторой корректировки. Представляется верной позиция авторов, указывающих, что деяния, совершаемые в ситуациях, регламентированных гл. 8 УК РФ, сохраняют свойство общественной опасности [4, с. 15; 18, с. 64; 20, с. 18-20]. В российской уголовно-правовой науке сложилось понимание общественной опасности как фактического причинения вреда охраняемым общественным отношениям или создания угрозы причинения такого вреда [11, с. 143-144; 13, с. 125].

Исходя из сущности общественной опасности очевидно, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, не лишены общественной опасности, так как их совершение всегда связано с причинением определенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Не случайно уголовный закон в ст. 37-42 УК РФ прямо указывает на то, что «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам...». Как правильно подчеркивает В.А. Блинников, уголовно-

правовой оценке может подлежать не само обстоятельство как таковое (т.е. факты обороны, крайней необходимости и т.п.), а причиненный в рамках этого обстоятельства вред охраняемым уголовным правом отношениям и интересам. Соответственно, при любом из обстоятельств, исключающих преступность деяния, надо говорить о фактическом наличии вреда объекту уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, означает сохранение указанными деяниями свойства общественной опасности [4].

С учетом сказанного очевидно, что общественно опасное деяние, причиняющее вред охраняемым законом интересам, даже ради защиты или обеспечения иных правоохраняемых благ не может быть признано полезным с точки зрения социума в целом. Кроме того, «опасность, вредность» и «полезность» являются терминами, противоположными по значению (антонимами) [15, с. 180, 198, 201], поэтому мысль о признании «общественно опасного деяния» одновременно «социально полезным» изначально выглядит нелогичной и неточной.

Подтверждением данной мысли являются и попытки сторонников «социальной полезности» обстоятельств, исключающих преступность деяния, «ранжировать» их на полезные при любых условиях, полезные в ряде случаев, вынужденные, целесообразные, допустимые, социально нейтральные или приемлемые поступки [6, с. 12, 21; 7, с. 4-5]. По верному замечанию В.А. Блинникова, наличие или отсутствие «полезности» причиненного в рамках любого из этих обстоятельств вреда не относится к сфере права, являясь скорее вопросом этики и морали. Действительно, «общественная полезность» в рассматриваемом контексте понимается учеными не как объективная категория, центр их внимания переносится на субъективные элементы или этические составляющие поведения лица [4]. Следовательно, лицо совершает не виновный, а сознательный нравственно оправданный и социально одобряемый поступок.

В ст. 42 УК РФ также говорится об «общественно полезной цели», к достижению которой стремится лицо в ситуации обоснованного риска. При этом само причинение вреда не является общественно полезным, а выступает в

качестве «побочного продукта» обоснованного риска. Вместе с тем необходимо четко обозначить объективные критерии социальной направленности обстоятельств, исключающих преступность деяния. В этой связи более конструктивной выглядит попытка объяснить социальное назначение рассматриваемого института сквозь призму общественной необходимости деяния и вынужденности причиненного вреда. Действительно, совершение рассматриваемых действий всегда выступает проявлением столкновения, коллизии между двумя сторонами, в результате которого причиняется вред правоохраняемым интересам другого человека, общества или государства. А.П. Дмитренко подчеркивает, что содержание обстоятельств, исключающих преступность деяния, состоит в причинении вреда уголовно охраняемому объекту для предотвращения вреда какому-либо иному благу либо достижения нового блага [6, с. 21].

По замечанию В.И. Михайлова, соответствующие вредоносные деяния значимы для социума не только в связи с объектом, которому причинен вред, но и прежде всего в контексте вызвавших их причин, интересов, которые защищались, субъектов таких деяний, места, времени их совершения и других социальных аспектов [17, с. 38]. Таким образом, признавая деяния, причиняющие вред при наличии установленных гл. 8 УК РФ обстоятельств, правомерными, государство идет на своеобразный компромисс: допускает нарушение отдельных интересов в целях поддержания правопорядка и стабильности в обществе в целом. В связи с тем что «социальный эффект» совершаемого деяния можно оценить только сквозь призму общественных интересов, так как наличествует вред отдельным правам и интересам личности, общества и государства, можно говорить лишь о социальной необходимости указанных деяний.

При этом важным фактором является определение достаточности социальных факторов, необходимых для регламентации определенной модели поведения в качестве исключающей преступность деяния. Прав А.Н. Берестовой в том, что такое поведение должно стать типичным для большинства или, по крайней мере, значительной части общества, одобряться или встречаться

достаточно часто в реальной жизни [3, с. 12]. В.И. Михайлов уточняет, что закрепление в норме допустимого вредоносного поведения осуществляется только при социальной «зрелости» ситуаций, наличии у них устойчивых черт, закономерно проявляющихся при определенных условиях, позволяющих эти ситуации типизировать, и при условии, что эти социальные ситуации имеют общественное значение, объективно поддаются нормативному регулированию и нуждаются в нем [17, с. 40].

Следовательно, закрепление в законе правомерности причинения вреда должно быть обусловлено распространенностью и типичностью ситуаций совершения деяний, направленных на укрепление порядка в обществе и его модернизацию, в условиях риска причинения вреда охраняемым законом интересам. При этом возникающий ущерб является вынужденной мерой, позволяющей добиться стабильности и прогресса социума в целом. С учетом того что, как было показано выше, существенным признаком обстоятельств, исключающих преступность деяния, является специальное исключение противоправности причиненного вреда [4, с. 15-17; 20, с. 19-20; 21, с. 77, 80], следует согласиться с тем, что правовое назначение данного института заключается в отграничении преступных от не преступных случаев причинения вреда. Поэтому они предусмотрены в Уголовном законе, определяющем, какие именно общественно опасные деяния являются преступлениями [18, с. 64].

Вместе с тем жесткая привязка правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, к УК РФ отнюдь не свидетельствует о том, что их социально- правовая сущность определяется уголовным законом. Нормы гл. 8 УК РФ имеют четкие межотраслевые связи в системе российского законодательства. Предписания, закрепленные в ст. 37-42 УК РФ, в рамках межотраслевого юридического образования призваны гарантировать осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей, предусмотренных в иных отраслях законодательства. Социальная ценность этих норм определяется тем, насколько эффективно они способствуют созданию механизмов и конструкций полноценной реализации прав.

Как справедливо замечает И.Э. Звечаровский, представляется юридически неточным широко распространенное мнение о том, что нормы, закрепленные в ст. 37-42 УК, «предоставляют право» на необходимую оборону, задержание преступника, право на риск и т.д. Так, право на необходимую оборону, будучи закрепленным в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ в рамках правового статуса человека и гражданина, представляет собой субъективное право, реализуемое в рамках государственно-правовых отношений. Гарантии и пределы реализации этого права предусмотрены нормами уголовного (ст. 37, п. «ж» ст. 61, ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК) и гражданского (ст. 1066 ГК) законодательства [22, с. 678-679]. В свою очередь, например, исполнение приказа или распоряжения, регламентированное целым комплексом нормативно-правовых актов, в том числе имеющих подзаконный и ведомственный характер, интересуется уголовный закон в рассматриваемом нами аспекте лишь постольку, поскольку оно может быть связано с причинением вреда охраняемым интересам [21, с. 112].

Непосредственно сами социально необходимые и значимые модели поведения предусмотрены не уголовным законом, а находят отражение в УК РФ в виде условий правомерности причинения вынужденного вреда. Следовательно, правовые корни обстоятельств, исключающих преступность деяния, уходят в законодательные акты, регулирующие общий правовой статус человека или деятельность личности, связанную с риском причинения вреда в различных социальных ситуациях.

Таким образом, социально-правовое назначение обстоятельств, исключающих преступность деяния, заключается в том, что они выступают юридическим инструментом гарантирования социально необходимых моделей поведения личности, направленных на обеспечение стабильности и правопорядка в обществе. В общей системе мер, направленных на борьбу с преступностью, указанный институт имеет хотя и локальное, но весьма важное значение при защите прав и законных интересов личности и обеспечении общественной безопасности. Вопросы социальной обоснованности и правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеют не

только узко прикладное правоприменительное значение, но и играют важную общественно-политическую и правовоспитательную роль. Указанные деяния могут эффективно реализовываться для защиты собственных прав, государственных и общественных интересов только при условии четких законодательных гарантий непривлечения данных лиц к уголовной ответственности за социально необходимое причинение вреда. Противоречивая и пробельная законодательная регламентация условий правомерного причинения вреда (гл. 8 УК РФ) сковывает активность граждан в борьбе с преступностью и является одним из факторов, понижающих эффективность уголовной правовой политики.

Библиография

1. Авдеев В.А. Национальная уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступности / В.А. Авдеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2012. - № 4. - С. 21-28.
2. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. - М., 2006. - 144 с.
3. Берестовой А.Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Берестовой. - СПб., 1999. - 20 с.
4. Блинников В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Блинников. - Н. Новгород, 2002. - 45 с.
5. Голик Ю. Может ли испытывать «симптомы кризиса» то, чего не существует? / Ю. Голик, А. Коробеев, Е. Мысловский // Уголовное право. - 2007. - № 1. - С. 137-141.
6. Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Дмитренко. - М., 2010. - 51 с.
7. Журавлев М. К вопросу о юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния / М. Журавлев, Е. Журавлева // Уголовное право. - 2012. - № 1. - С. 24-28.
8. Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды / С. Келина // Уголовное право. - 1999. - № 3. - С. 3-8.

9. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: Механизм и система / Н.М. Кропачев. - СПб., 1999. - 262 с.
10. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. - М., 2003. - 352 с.
11. Курс российского уголовного права: Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М., 2001. - 767 с.
12. Курс советского уголовного права: в 6 т. - Т. 2 : Преступление / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. - М., 1970. - 516 с.
13. Курс уголовного права: Общая часть. - Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. - М., 2002. - 624 с.
14. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно- правовая политика / Н.А. Лопашенко. - СПб., 2004. - 339 с.
15. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов: под ред. Л.А. Новикова. - М., 1984. - 384 с.
16. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. - СПб., 2000. - 279 с.
17. Михайлов В.И. О содержании норм главы 8 УК России / В.И. Михайлов // Государство и право. - 2010. - № 12. - С. 34-41.
18. Михайлов В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния / В.И. Михайлов // Государство и право. - 1995. - № 12. - С. 56-69.
19. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. - М., 2004. - 414 с.
20. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. - СПб., 2003. - 217 с.
21. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости /С.В. Пархоменко. - СПб., 2004.-267 с.
22. Полный курс уголовного права : в 5 т. - Т. 1 : Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. - СПб., 2008. - 1133 с.
23. Разгильдеев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК / Б. Разгильдеев // Законность. - 1993. - № 12. - С. 18-21.
24. Сахаров А.Б. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. - 1987. - № 11. - С. 111-118.

Bibliography

1. Avdeev V.A. National criminal and legal policy in the sphere of counteraction of crime. [Nacional'naja ugovolno-pravovaja politika v sfere protivodejstvija prestupnosti]. *Kriminologicheskij Zhurnal Baykal'skogo Gosudarstvennogo*

Universiteta Ekonomiki I Prava - Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law, 2012, no. 4, pp. 21-28.

2. Alekseev A.I., Ovchinskij V.S., Pobegajlo Je.F. Russian criminal policy: overcoming crisis. [*Rossijskaja ugovolnaja politika: preodolenie krizisa*]. Moscow, 2006. 144 p.

3. Berestovoj A.N. Reasonable risk as criminal defense. Author's abstract. [*Obosnovannyj risk kak obstojatel'stvo, iskljuchajushhee prestupnost' dejaniya*]. Saint-Petersburg, 1999. 20 p.

4. Blinnikov V.A. System of criminal defenses. Author's abstract. [*Sistema obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejaniya*]. N. Novgorod, 2002. 45 p.

5. Golik Ju., Korobeev A., Myslovskij E. Can something that does not exist have «symptoms of crisis»? [Mozhet li ispytyvat' «simptomy krizisa» to, chego ne sushhestvuet?]. *Ugovolnoe pravo - Criminal law*, 2007, no. 1, pp. 137-141.

6. Dmitrenko A.P. Criminal defenses institution in Russian Criminal law: fundamentals of theory, legislative regulations and law enforcement. Author's abstract. [*Institut obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejaniya v ugovolnom prave Rossii: osnovy teorii, zakonodatel'noj reglamentacii i pravoprimenenija*]. Moscow, 2010. 51 p.

7. Zhuravlev M., Zhuravleva E. Concerning criminal defenses juristical nature issue. [K voprosu o juridicheskoj prirode obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejaniya]. *Ugovolnoe pravo - Criminal law*, 2012, no. 1, pp. 24-28.

8. Kelina S. Criminal defenses: definition and types. [Obstojatel'stva, iskljuchajushhie prestupnost' dejaniya: ponjatie i vidy]. *Ugovolnoe pravo - Criminal law*, 1999, no. 3, pp. 3-8.

9. Kropachev N.M. Criminal and legal regulation. Mechanism and system. [*Ugovolno-pravovoe regulirovanie. Mehanizm i sistema*]. Saint-Petersburg, 1999. 262 p.

10. Kudrjavcev V.N. Crime fighting strategies. [*Strategii bor'by s prestupnost'ju*]. Moscow, 2003. 352 p.

11. Russian criminal law course. General part. Edited by V.N. Kudrjavcev, A.V. Naumov. [*Kurs rossijskogo ugovolnogo prava. Obshhaja chast'*]. Moscow, 2001. 767 p.

12. Soviet criminal law course. In 6 vol. Vol. 2. Crime. Edited by A.A. Piontkovskij, P.S. Romashkin, V. M. Chhikvadze. [*Kurs sovetskogo ugovolnogo prava*]. Moscow, 1970. 516 p.

13. Criminal law course. General part. Vol. 1. Theory of crimes. Edited by N.F. Kuznecova, I.M. Tjzhkova. [*Kurs ugovolnogo prava. Obshhaja chast'*]. Moscow, 2002. 624 p.

14. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal and legal effect: criminal law, criminal legislation, criminal and legal policy. [*Osnovy ugovolno-pravovogo*

vozdejsvija: ugovnoe pravo, ugovnyj zakon, ugovno-pravovaja politika]. Saint-Petersburg, 2004. 339 p.

15. L'vov M.R. Russian antonyms dictionary. [*Slovar' antonimov russkogo jazyka*]. Moscow, 1984. 384 p.

16. Miljukov S.F. Russian criminal law: critical analysis experience. [*Rossijskoe ugovnoe zakonodatel'stvo. Opyt kriticheskogo analiza*]. Saint-Petersburg, 2000. 279 p.

17. Mihajlov V.I. On the Russian Criminal Code 4th Chapter content. [O sodержanii norm glavy 8 UK Rossii]. *Gosudarstvo i pravo - State and Law*, 2010, no. 12, pp. 34-41.

18. Mihajlov V.I. On social and legal aspects of criminal defenses' nature. [O social'no-juridicheskom aspekte sodержanija obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija]. *Gosudarstvo i pravo - State and Law*, 1995, no. 12, pp. 56-69.

19. Morozova L.A. Theory of state and law. [*Teorija gosudarstva i prava: uchebnik*]. Moscow, 2004. 414 p.

20. Orehov V.V. Justifiable defense and other criminal defenses. [*Neobhodimaja oborona i inye obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija*]. Saint-Petersburg, 2003. 217 p.

21. Parhomenko S.V. Acts that lost their criminousness due to social utility and social necessity. [*Dejanija, prestupnost' kotoryh iskljuchaetsja v silu social'noj poleznosti i neobhodimosti*]. Saint-Petersburg, 2004. 267 p.

22. Criminal law full course. In 5 vol. Vol. 1. Crime and punishment. Edited by A.I. Korobeev. [*Polnyj kurs ugovnogo prava. Prestuplenie i nakazanie*]. Saint-Petersburg, 2008. 1133 p.

23. Razgil'deev B. Acts of public utility according to the Criminal Code of the Russian Federation. [Obshhestvenno poleznye dejanija, predusmotrennye UK]. *Zakonnost' - Legality*, 1993, no. 12, pp. 18-21.

24. Saharov A.B. Crime defenses. [Obstojatel'stva, iskljuchajushhie ugovnuju otvetstvennost']. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo - Soviet state and law*, 1987, no.11, pp. 111-118.

Сведения об авторах

Пархоменко Светлана Валерьевна - профессор кафедры Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Иркутск; e-mail: psvet@mail.ru .

Радченко Екатерина Владимировна - аспирантка кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, Иркутск; e-mail: rad-e.v@mail.ru .

About the authors

Parhomenko Svetlana Valer'evna - Professor of the Chair, Irkutsk Institute of law (branch) of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, Irkutsk; e-mail: psvet@mail.ru

Radchenko Ekaterina Vladimirovna - Postgraduate student of Chair of criminal law and criminology, Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk; e-mail: rad-e.v@mail.ru